

Сказ о доле АННЫ ПАШКОВОЙ

В 2011 году отмечается 145-летие со дня рождения карельской сказительницы Анны Михайловны Пашковой.

Анна Михайловна Пашкова родилась в семье крестьянина в Пудожском уезде. К сожалению, на сегодняшний день не удалось точно установить дату ее рождения. До недавнего времени считалось, что годом рождения является 1866 год, именно этот год упоминает и сама сказительница. Однако в сохранившейся в Национальном архиве РК метрической книге Нигижемско-Пречистенского прихода Пудожского уезда за 1866 г. сведения о ее рождении отсутствуют, хотя имеется запись о бракосочетании 21 января родителей Анны Пашковой (в девичестве Тихоновой) – Михаила Федорова (Федоровича) Тихонова и девицы Марии Ивановой. В метрической книге Шальского прихода за 1891 г. сохранилась запись о бракосочетании Антипа Иванова (Ивановича) Пашкова и девицы Анны Михайловой (Михайловны) Тихоновой. Указан возраст невесты – 20 лет. Очевидно, Анна Михайловна

Пашкова родилась позднее 1866 г., однако для того, чтобы точно установить дату рождения сказительницы, необходимо провести дополнительные исследования.

В 1930 г. семью А.М. Пашковой раскулачили. И действительно, документы архива свидетельствуют, что в этом году семья была признана кулацкой: на тот момент она имела хозяйство, состоящее из 1,25 десятины посева, 8 десятин сенокосных угодий, одной лошади, трех коров, 6 овец, полдома с пристройками стоимостью 1500 руб.

После раскулачивания в 1933 г. А.М.Пашкова переезжает к дочери в Петрозаводск. Здесь в 1937–1939 гг. сотрудники Карельского научно-исследовательского института культуры записали от неё множество произведений: 51 лирическую песню, 15 сказок, 35 похоронных, бытовых и свадебных причитаний, 320 пословиц, 40 загадок и многое другое. В 1939 г. А.М. Пашкова была принята в Союз писателей СССР и награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Карелии. В личных делах, хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия, имеются выписка из протокола общего собрания о приеме её в члены Союза писателей СССР, автобиография, ходатайство об установлении сказительнице персональной пенсии. Тексты, записанные от А.М. Пашковой, публиковались в «Правде», «Известиях», многих сборниках.

С 1943 по 1946 год А.М. Пашкова жила в Мончегорске, где выступала в госпиталях, на эвакуационных пунктах, в рабочих клубах с песнями и сказками, созданными ею и другими сказителями. После войны вернулась в Петрозаводск, где и скончалась в 1948 г. Наиболее полно творчество А.М.Пашковой представлено в сборнике «Русские плачи Карелии», вышедшем в 1940 г.

Журнал «Север» публикует автобиографию А.М.Пашковой. Автобиография находится в личном деле сказительницы, хранящемся в Национальном архиве Республики Карелия. Кроме того, публикуется один из сказов, в котором отразилась извечная мечта народа о спасителе, способном избавить народ от несчастий.

Е.В. Рахматуллаева,
сотрудник Национального архива РК

Анна ПАШКОВА

Автобиография

Родилась я в Пудожском уезде, Нигижемской волости, Подбережного общества, деревни Ярчевой. В семье у меня были отец и мать и две тети – старые девы. Нас двое детей было. Ну, тогда учили грамоте редко, особенно нас, девушек. Говорят: «Только письмо парням писать». Ну, я стала проситься в школу учиться грамоте. Брата не приняли, а мне 10 лет было – взяли. Учеба мне далась хорошо (я и сейчас могу рассказать все стихотворения, а хоть и закон Божий). Был у нас учитель, учителя любили, хоть он и поколачивал ребят, как не умеют уроков, а меня-то не колотил. В классе было с трех приходов 4 девочки, а мальчиков – 28 человек. Потом поп просил, чтобы я дальше училась, и хотел устроить в гимназию, но у нас семья была маленька, и приучали дома грабить и косить. И желательно мне было учиться, да надо же родителей слушать. Как я в школу ходила, так все рукоделье носила. Я больша была – 10 лет. С мальчиками не играли. А как кончила учебу, так стала ходить гулять на вечеринки, на свадьбы. Но так и работать приходилось: рубили лес, валили – в дыму, как каторжники ходили, комаров по ночам кормили. Да как уж на ноги поднялась, так от родителей работухой не была обижена. А одевали меня хорошо: жемчужна поднизь была (сеткой в одном месте звали). Шторные сарафаны да парчовые душегрейки. Мне еще не исполнилось 16 лет, как замуж сватали. Если бы тот посватал, который был мой ухажер, так, может, и вышла, а тут из чужой волости приезжал. И други женихи сватали. До 20 годов уж я дожила девушкой.

Семья у нас была согласная, и было у нас всего вдоволь. Работали много и жили хорошо. Мы родителей уважали, нас они любили. Коров у нас было пять, три лошади и было 2 надела земли. Хлеба всегда хватало, льну много было, 40 пудов льну продадим – вот-вот и деньги на расход. Но и муки было со льном. Нивья жгли. Как снег сошел – пойдешь дров заготовлять, потом валить, да так и год весь. Осенью мнешь его да мочишь, да белишь. Не умели иначе наживать, та и думали, что только и свету, что на запечье. А как бы мне учиться, так ведь было тако дарованье: учитель дает уроки, дак уж на лету сделано.

Как стало мне 20 лет, так наша деревня вся сгорела в апреле, 26 числа. У меня много нарядов сгорело. Одни ботинки были форсисты, дак один вынесла, а другой сгорел. Ну, а кой-чего вынесли хлебно, а скот спасся. В тот день на пастбище был скот вы-

нан первый день. А у нас ведь как скот выпускали, дак свечки жгли. Одна баба ушла угнать корову, а свечку оставила зажженную перед иконой, а свечка упала, постель загорелась, и потом пошло писать. Это что раньше было: какой-то денщик встречает генерала и ему рапортует:

– Ваше превосходительство, все благополучно, все благополучно, только Каштан окошел.

– Говори, голова, отчего же Каштан окошел?

– Все благополучно, ваше превосходительство, а так падали-то наелся да и сдох.

– Да какой же падали, говори?

– Да как конюшни погорели, да жеребцов-то сдуло, он и наелся. Все благополучно, все благополучно, ваше превосходительство!

– Да какие же конюшни?

– Теща умерла, поставили свечку, простынь загорелась и... ваше превосходительство, все благополучно, все благополучно!

– Отчего же теща умерла?

– Как ваша-то жена убежала с офицером, она упала и умерла. Все и пошло, и ничего не осталось, одни головешки остались.

После пожара пришли родственники. Я тетку встречала, причитывала:

*Как идет гостья дальняя,
идет гостья долгожданная,
моя тетушка, добротушка,
старше буйная головушка.
А у нас теперь у бедных
ново чудо случивалоси,
большо горе приключилоси,
потеряли мы селеньице,
да все хорошии строеньице,
все крестьянско заведеньице.
А я бедная горящица
потеряла цветно платьице.
Одна глупая-то женщина,
неразумно молода жона,
зажигала воскову свечу
перед чудным перед образом,
она Богу неугодная.
Как от той от восковой свечи
поднимались дымоцики,
разносило огонецики.
Все огнем-то просветилоси,
а головней да покатилося.*

После мы опоселились в другой деревни – 4 семьи в одной избе. Комнат нету, а изба одна. Летом хоть на сарае да в сенях, а зима пришла, дак тут всем вповалку в одной избе спать. Я подумала, подумала, стали сватать, и пошла замуж. Понаслышке слышала, что он богаче меня, а дому не видела. А старше он был меня на 8 годов. Семья была 12 чело-

век. Свекровь, деверь, невестка, 5 человек детей и 2 воспитанника, а изба и черная печь. Как затопят, так дым облаком по избы. Ну, тут я и хватанула горя! Всё плакала. Но а дома нельзя было жаловаться, как не спускали. И скучала я, похудела тут и забеременела к тому же. А они-то ещё возносились, что взята без подарков, да ничего. Но а потом шубу на лисьем меху деверь купил, дак и коренила потом невестка этой шубой. Я уж не рада и шубы была. Дом у них был худой. Они из бобылей с стеклянного завода пришли, а потом ничего, разжились. Скота тогда уже было много, да деверь за рыбы лова пустился. Четыре года я в этой курилке пожила, потом дом стали строить и выстроили дом двухэтажный большой, обшили; 12 топок в доме было. Все окрашено. А дома отец уже помер, и мать с братом остались, и тут я скучала. Тетушки умерли, стары уже были. Ксения-тетка много былин знала, много песен старинных и сказок. Былины и сказки от ней много научилась. Она за ставом поет и за прялицей поет, стихи тоже пела.

А в новой семье никого не любила. Деверь ко мне относился по-человечески. Все были неграмотны, а так-то жили дружно: 25 годов прожили в одной семье. Мужики на рыбной ловле, а я земельным делом заведовала: косила, пахала и все делала, а мне помогали. Потом пошли у меня дети частые (14 человек было выношено), а работы-то тяжелы, – всяко приходилось. На целый день уйдешь – одних оставишь. Только троих я и вырастила: 2 дощкы да один сын. Дощкы здоровые росли, а с сыном много горя приняла: двух с половиной лет сына разбило параличем, простудился. Тяжело и вспоминать. До 12-ти годов не ходил. Ездил я с ним по больницам. В 1910 г. была, да предложили платить 50 руб., так и увезла. А потом в 1922 г. он сам захотел лечиться и

уехал, там он и учился, и поступил в Промышленно-экономический техникум, а потом заболел (а уж ходил тогда), вывезли домой, а он у нас и помер.

Лиза сюда в город замуж ушла. Мы со старицком остались двое. В 1930 г. нас раскулачили. Все в колхоз передали, нас не приняли. Старик помер, меня восстановили в правах. Я переехала в Петрозаводск. А сюда приехала, доць умерла, осталась я со внуцкой, ей тогда 6 лет было. Отец Раюшкин (внучки) был арестован (имел торговлю мясом), дали пять лет, потом освободился досрочно. А теперь и не является к Раюшки, а в городе и не разрешили ему жить. А я теперь вот сиду да рассказываю, а

раньше одной минуты не сидела. Одна вот огород раскопала лопатой. Сейчас две козы да огород есть, Раюшки денег когда пришлет отец, это у соседок нянчу другой раз – ничем не брезгую.

По подголосицам не ходила, а причитаний много знала, как с этим горем пожила (сын-то больной был), так много причитала на работы, а свадебные – тые в девушках узнала. Век-то прожить – не поле перейти. Всяки были плачи: по покойникам, по солдатам. Песни знаю, а пела мало,

голос неважный. Как был бы склад да голос, так напела бы на всю волость, а то не было.

Былины знала, а не пела. Другой раз на работы так про себя варандала. А научилась идно от тётушек, друго от Ильи Зубова. Был старик в Ярчевой. Горлан такой был. Еще коробейник был Данила – тоже пел: день ходит, а вечером мужики соберутся, и поет. Узнала все почти в девушках, а потом еще Абросим Куплянский пел, слышала. Рассказывала в небольшой компании: сидишь-сидишь, да задремлешь за прялицей, и начнешь рассказывать сказки, а больше былины. Из былин больше Чурила Пленкович нравилась.

Группа карельских писателей. 1948 год.

Стоят слева направо:

А.Иноземцев, Т.О.Гуттари, Н.Т.Клименко, Ф.А.Трофимов.

Сидят слева направо:

А.М.Линевский, Ю.Никонова, А.М.Пашкова, А.Н.Тимонен

СКАЗ О СВОЕЙ ДОЛЕ

Ах ты, ноченька, ночка темная,
 Ночка темная, ночь осенняя,
 Со дождем ли ноченька, со молнией.
 Как сидит тут баба закрепощенная, –
 У мужа она поколочена,
 Она за косы поволочена.
 Как сидит она, думу думает,
 На руках у ней дитя малое,
 Дитя малое, да неразумное.
 Говорит она да таковы слова:
 «Могу ли ноченьку да я скоротати,
 Горемычну жизнь перемякати;
 От этой жизни я утомилася,
 Я на то сейчас порешилася:
 Хочу покончить свою голову,
 Только жалко мне дитятко.
 Он находится, наматается.
 Без добротушки родной матушки.
 Он по березку да находится,
 Камешечка он наприберается,
 Ко сердечушку накладывается,
 Не увидит он родной матушки».
 Посмотрела баба в окошечко:
 Ясна зорюшка разгораецца,
 Белый свет в окошечко пробираецца,
 А за окошкой – красно солнышко.

Против солнышка она увидела
 Дорогого товарища Ленина.
 Говорит ей Ленин таковы слова:
 «Что сидишь ты, молода жена?
 Закрепощенная ты, неученая.
 Я принес тебе да весть радостную:
 Ты не баба теперь, а стала женщина,
 Женщина – да равноправная;
 Ты имеешь право с мужчиной наравне,
 Ты учиться можешь, где захочется».
 Тут у женщины лицо да прояснилось,
 А заплаканы очи открылися.
 Отнесла она мало дитятко,
 Своего ли сынишку любимого,
 Во ясли снесла, да во крестьянские.
 Там умыли его, да приубрали,
 Накормили его, приголубили.
 Пошла в сельсовет к председателю:
 «Вы, товарищи да советские,
 Напишите справочку мне, женщине:
 Я хочу теперь быть грамотной,
 На курсы поеду на колхозные,
 Нам дороженьки будут готовые,
 Счетоводом хочу быть да бухгалтером,
 Трактористом хочу быть да механиком».

